

4. *Lermontovskaya Entsiklopediya* (Lermontov Encyclopedia), Manuylov, V. A., Ed., Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981.

5. *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semeonom Bronevskim* (Latest Geographical and Historical News about the Caucasus Collected and Replenished by Simeon Bronevsky). Moscow: Pinting Office of S. Selivanovsky, 1823.

Э. Деканова¹,
Н. Муранска²

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРЕ, В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

В статье прослеживается восприятие творчества и жизни М. Ю. Лермонтова в словацком литературном и историческом контекстах, в современном словацком литературоведении и литературной критике, перечисляются основные издания Лермонтова на словацком языке. Представлены фрагменты исследования творчества Лермонтова словацким ученым проф. А. Червеняком, в которых рассмотрены четыре тайны жизни, любви, духа и эстетики поэта. М. Ю. Лермонтов представлен в словацкой критике как новатор русской прозы.

Ключевые слова: Лермонтов, Словакия, восприятие, переводы, литературоведение, лермонтоведение.

Александр Сергеевич Пушкин был поэтом вечных вопросов и конфликтов, поэтому понимание его творчества пришло не сразу. Наследие Михаила Юрьевича Лермонтова – ввиду идейной и поэтической глубины – словаки также осваивали с трудом. Самым популярным русским поэтом XIX века был А. С. Хомяков, который со своими не универсальными, а,

¹ *ДЕКАНОВА Эва* – кандидат филологических наук, доцент-доктор кафедры русистики философского факультета Университета им. Константина Философа, г. Нитра, Словацкая Республика. Электронная почта: edekanova@ukf.sk.

² *МУРАНСКА Наталия* – кандидат филологических наук, профессор, кафедры русистики философского факультета Университета им. Константина Философа, г. Нитра, Словацкая Республика. Электронная почта: nmuranska@ukf.sk.

в сущности, «узкими» славянофильскими идеями оказался самым актуальным для словаков, решавших прежде всего вопросы собственного национального формирования и национального самосознания.

1. Восприятие творчества М. Лермонтова в Словакии: исторический контекст.

Словацкий народ, словацкая литература и ее представители жили и творчески работали в принципиально иных условиях, нежели народ русский. Его борьба против крепостного права не закончилась в 1861 году, а неким образом продолжалась вплоть до 1917 года. Основной проблемой словацкого народа была борьба за национальное существование, завершившаяся возникновением Чехословацкой Республики в 1918 году. Россияне решали проблемы духовной свободы, а словаки – проблемы социальные, затем духовные.

Лермонтов открылся сознанию словацкой культуры спустя 25 лет после своей смерти, в 1866 году, когда в Словакии (тогда она была составной частью Австро-Венгрии) в журнале «Sokol» была впервые опубликована его повесть «Тамань» на словацком языке. Переводы поэзии Лермонтова к словацкому читателю пришли еще спустя четверть века – в 1891 году, по случаю 50-летней годовщины со дня его смерти. Итак, можно констатировать, что поэтическое творчество Пушкина получило в Словакии отклик уже при его жизни. Лермонтова же – только после смерти.

Известный словацкий литературовед Е. Пановова (Panovová E. «Slovenská recepcia Lermontovovej poézie») [9, с. 126] называет две причины запоздалого отклика на творчество Лермонтова в Словакии: во-первых, это специфические свойства произведений Лермонтова (творчеству Пушкина был свойствен широкий и многообразный охват действительности, а лермонтовское творчество подчинялось единому комплексу идей) [1, с. 219]. Во-вторых, это разные общественные условия Словакии и России в XIX веке. Лирика Лермонтова, по сути, находилась в противоречии с идейным направлением словацкой интеллигенции, с ее ориентацией на официальную Россию. Более того, поэтика словацких авторов данного периода, в отличие от поэтики высокого романтизма Лермонтова, скорее отдавала предпочтение общительности, простоте, отрицала высокий стиль поэзии парнасцев [9, с. 128].

В XIX веке большую роль играла славянофильская ориентация словацких литераторов, идеализировавших общественные условия в России. С. Г. Ваянски в 1881–1892 году (*Národné noviny*, № 89, № 35) упрекал Лермонтова в «кошмарном, жгучем оттенке печали, безнадежности, злобы на мир, прогорклой сатире». Известный словацкий переводчик Б. Шкултетиова в то время перевела некоторые части романа «Герой нашего времени». Й. Шкултети в качестве редактора и издателя журнала «*Slovenské pohľady*» («Словацкий взгляд») отразил интерес к этому писателю в Словакии в статье 1914 года «Лермонтов у словаков» («*Lermontov u Slovákov*») [10, с. 254]. В 1895, 1896, 1898 годах журнал «*Slovenské pohľady*» опубликовал три перевода О. Хробака из любовной лирики Лермонтова: «Нищий» (на словацком «*Jej*» – «Ей»), «Стансы» (на словацком «*Epitafia*»), «Песня» («*Pieseň*»). В начале XX века Лермонтова переводил также крупнейший словацкий поэт П. О. Гвездослав: «Песня про купца Калашникова» («*Pieseň o kupcovi Kalašnikovovi*», *Slovenské pohľady*, 1902, s. 201–212); «Демон» («*Démon*», *Slovenské pohľady*, 1912, s. 425–436; 538–560). Но необходимо заметить, что для Гвездослава как поэта, верившего в общественный идеал, поэзия Лермонтова по мироощущению близкой не была.

На стыке XIX–XX веков у представителей словацкого модерна (И. Краско, Я. Есенски, В. Рой и др.) отмечается диаметрально противоположная концепция поэзии Лермонтова, стихи которого были близки их складу ума и поэтическому выражению. Есенски отнес Лермонтова к числу мировых писателей, творчески вдохновивших его, И. Краско оценивал его творчество выше творчества Пушкина, В. Рой не только вдохновлялся им, но даже два стихотворения перевел сам [5, с. 277].

В начале Второй мировой войны (1941) в Словакии выходит первое книжное издание поэзии Лермонтова. Многие словацкие литературные критики (М. Хорват, М. Поважан, А. Придавка и др.) в это время публикуют критические статьи о поэзии Лермонтова, а также о его запоздалой рецепции в Словакии.

Несколько прозаических произведений Лермонтова переведено на словацкий язык в период с 1887 по 1959 год. В XIX – начале XX вв. их переводчиком была Б. Шкултетиова («*Bela*» – 1892, «*Maxim Maximovič*» – 1892, «*Kňazná Meri*» –

1910). В 1933 году издан роман «Герой нашего времени» под названием «Hrdina našich časov» (Martin, MS, 1933. 202 s.). Сразу после Второй мировой войны публикуется другая версия того же романа на словацком языке под названием «Lásky pána Pečovina. Hrdina našich čias 1839–1841». Переводчиком был Вилиам Завора (Trnava, Gardelán, 1946. – 195 s.). В 1949 году выходит «Fatalist» – переводчик К. Стары; в 1950 – «Героя нашего времени» перевела выдающийся словацкий литератор Зора Есенска (Lermontov M. Ju. Próza. Bratislava, Tatran, 1950, s. 7–123). В 1952 году выходит его второе издание в переводе Б. Шкултетиевой.

В 1959 году изданы на словацком языке «Kňazná Ligovská», «Hrdina našich čias» и «Maškarnýples». В их переводе участвовали Зора Есенска и известный словацкий поэт Милан Руфус (Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1959).

Начиная с 1960-х по сегодняшний день в Словакии издавались и другие переводы поэзии, прозы и драматургии Лермонтова. Так, например, в 1984 году, по случаю 170-летия со дня рождения поэта, издан крупнейший перевод стихов, пьес, прозы, переписки, биографических сведений, дающих панораму жизни и творчества автора [7].

Переводы поэзии Лермонтова печатаются с 1980-х годов и в словацких журналах, но в настоящей статье мы не считаем необходимым перечислять конкретные библиографические данные, так как предметом нашего обзора является прежде всего литературно-критическое восприятие произведений Лермонтова.

Авторитетная и по существу комплексная оценка творчества поэта дана словацкой литературной критикой, начиная с 1950-х (В. Кохол, 1953; А. Матушка, 1972; Е. Пановова, 1977, 1983, 1985 и др.; А. Червеняк, 1985; А. Элиаш, 1990; Я. Замбор, 2000 и др.).

2. Восприятие произведений Лермонтова в современном словацком литературоведении и литературной критике.

После краткого фактографического экскурса в прежнюю и новую историю рецепции творчества Лермонтова в Словакии мы хотели бы показать подход к этому незаурядному русскому писательскому гению, предложенный профессором, доктором филологических наук Андреем Червеняком (1932–2012) –

выдающимся словацким литературоведом, литературным критиком и знатоком русской литературы.

Еще в 1985 году в статье «Лермонтов и наша современность» он дал оригинальную и осведомленную оценку творчества Лермонтова. С одной стороны, она учитывает место и значение этого *enfant terrible* русской литературы в контексте русской культуры, с другой – его восприятие словацкой литературной критикой в контексте словацкой культуры.

А. Червеняк начинает свой разговор о творчестве Лермонтова изречением Ф. М. Достоевского: «Человек – это тайна...». Постепенно в своих рассуждениях он открывает перед словацким читателем четыре тайны жизни и творчества М. Лермонтова.

Первая тайна – тайна его жизни. Червеняк отмечает, что русскому литературоведению, например, биографу Лермонтова В. Острогорскому (1891) или знатоку лермонтовского творчества Б. Эйхенбауму (1961), не было известно очень многое о жизни этого представителя русского романтизма. Лермонтов о своих литературных воззрениях и творческих замыслах не писал. Календарь его жизни имеет много белых пятен. «Эта тайна жизни пометила все его творчество – лирику, прозу и драматургию в деталях, и в целом, в идейном содержании и художественной структуре, в современных рефлексиях и вечных ассоциациях» [5, с. 10].

Вторая тайна – тайна его любви. Лермонтов на протяжении всей своей жизни любил одну женщину, которая, по его мнению, была достойна его высоких идеалов. Ее образ присутствует во всей его лирике («Сон», «В полдневный жар в долине Дагестана», «Оправдание», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Мы случайно сведены судьбою» и др.). Только в 80-х годах XIX столетия было произнесено имя девушки – это сверстница Лермонтова Варвара Александровна Лопухина, вышедшая замуж за Бахметева в 1835 году. Она прожила лишь на 10 лет дольше своего любимого Лермонтова, умерла 36-летней. Максимализм и ригоризм вытекает из романтических поэм поэта: Арбенин является избранником этих чувств, потерпевшим крушение; Печорин – их отчаявшимся рабом.

Третья тайна – тайна его духа. К литературным и философским кумирам Лермонтова относились Пушкин, Байрон, Гете, Шиллер, Гейне, Руссо, Шекспир, Шеллинг, Пла-

тон, Фурье, Тютчев, Белинский. Были ли традиции русского свободомыслия и трагизм декабристов тем, что сформировало духовный строй его мысли и сердца? Или же это были Д. А. Столыпин и А. А. Столыпин вкупе с Пестелем и Рылеевым? Одни находили у Лермонтова очаровательный пантеизм, вторые – деизм, и третьи – атеизм и идеи богоборчества.

Четвертая тайна – тайна эстетики. Согласно своей трактовке художественного метода Лермонтова, А. Червеняк обращает внимание на противоположные мнения, звучащие в российской критике (достаточно сравнить, например, работы В. А. Мануйлова и К. Н. Григоряна, первый говорит о «Герое нашего времени» как о реалистическом произведении, второй – как о вершине русской романтической прозы).

Конформистски настроенный критик С. Шевырев (см. книгу «Творчество М. Ю. Лермонтова», 1964, с. 11) трактовал его стихи даже как «метапоэзию». Но читатели воспринимают творчество Лермонтова как гениальное выражение порывов их чувств, их идейных сражений... Может быть даже потому, что именно неблагоприятные жизненные обстоятельства создавали благоприятные условия для формирования творческого гения Лермонтова, для возникновения его новаторского искусства в русской, а также в европейской литературе. «Дело в том, что трагизм жизни Лермонтова звучал в трагизме эпохи. Поэт стал ее конгениальным рентгенологом, выразителем и топографом» [9, с. 12]. Снова вернемся к параллели Лермонтов – Пушкин. Несмотря на то, что они были современниками, их творчество разделено, отдалено почти вековым расстоянием. Пушкин завершает XVIII столетие новой русской литературы, начатое эпохой Петра I. Лермонтов, наоборот, открывает «золотой век» русской литературы XIX столетия. Поэзия Пушкина является «ренессансной, всесторонней, гармоничной, конструктивной, этически и эмоционально здоровой, филантропической, утверждающей целое, а не только его части» [9, с. 14]. Гармония царит над дисгармонией, конструкция – над деструкцией. Хотя социальные и духовные противоречия в конце XVIII столетия (восстание Пугачева, духовный бунт Радищева) вносят в творчество Пушкина до 1825 года некоторые диссонирующие элементы (свободомыслие, критические эпиграммы), но, по сути, они не нарушают его идеал полноты жизни и развитой ренессансной личности.

Восстание декабристов закрывает все возможности для дальнейшего конструктивного, гармоничного развития ренессансного человека. И тогда приходит Лермонтов, тоже ренессансный человек, жаждущий пространства для реализации творческой энергии. Но не находит его. После поражения восстания декабристов ренессансный человек становится лишним. Человек – творец истории превращается в «маленького человека». А. Червенияк пишет: «Маленький человек, лишний человек, мертвые души – это памятники на кладбище русского свободного духа, на котором были захоронены первыми (в переносном и непереносном значении) П. И. Пестель, К. Р. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский» [9, с. 15].

И повторно заметим, упомянутый критик-современник Лермонтова С. П. Шевырев, оценивая его поэзию, заявлял, что не способен читать «И скучно, и грустно», «Думу» без внутреннего отвращения.

А. Червенияк высоко оценивает поэтическую оптику Лермонтова – новатора не только русской, но и мировой поэзии и прозы. Позже, в восьмидесятые годы XX столетия российская литературная критика (см. второй том «Истории русской литературы», 1981–1983) занимает по отношению к творчеству Лермонтова совершенно иную позицию, нежели Шевырев.

3. М. Ю. Лермонтов – новатор русской прозы.

Новаторство автора в значительной степени проявилось в его прозаическом творчестве. Определенные наметки мы находим уже в новелле «Княгиня Лиговская» (1836), но вершину в этом отношении представляет роман «Герой нашего времени» (1838–1840). Проф. Червенияк подчеркивал, что эпическое повествование устремлено от наружного к внутреннему, от эпического к философскому. Объектив художественного проникновения в человеческую душу направляется от наружной пластики к внутренней диалектике человеческой души. «Художественная оптика Лермонтова является полилогичной, Достоевский ее дальше углубляет, и М. Бахтин в XX веке называет ее полифонической. Настолько далеко Лермонтов проникал в будущее. Он отразил внутреннее раздвоение личности» [9, с. 21]. Новая художественная оптика устремлялась к другой эпохе, в которой человек как свободная личность мог бы развиваться всесторонне

и гармонично. Проф. Червенияк в своих трудах проник в самую сущность творчества Лермонтова. Интересными представляются его параллели с произведениями других исполинов русской литературы (Достоевский, Толстой, произведения антропологически-художественной волны советских писателей: Астафьев, Бондарев, Распутин и др.) или же со многими западными авторами.

В классификации стилей русской литературы XIX столетия он причисляет Лермонтова к психологической прозе. А. Червенияк рассматривает русскую литературу следующим образом: «1) течение психологической прозы (Лермонтов – Достоевский), 2) социологическое течение (Гоголь – Шедрин), 3) философское течение (Герцен – Тургенев) – и эти течения в конце столетия объединились в диалектике человеческой души Толстого» [9, с. 22]. И именно Лермонтов как философ и мыслитель глубоко проник в сущность человека, человека своей эпохи и «превозмог ее на несколько поколений».

Палитра словацких литературных критиков, занимающихся творчеством М. Ю. Лермонтова в XX веке достаточно широка. Несмотря на это, мы выбрали рефлексию лермонтовского творчества именно в трудах Червенияка не только потому, что он представляет целостный и квалифицированный взгляд на наследие и жизнь Лермонтова. Прежде всего потому, что уже в период, когда российская литературная критика искала объединяющий взгляд на «феномен Лермонтова» (1980-е годы), этот литературовед и критик дал словацкой культурной и профессиональной публике его инонародную, словацкую, обобщающую интерпретацию.

А. Червенияк был редактором «Лермонтовского сборника», выпущенного в 1985 году (в общем объеме почти 300 страниц), в который вошли статьи видных словацких литературоведов, проанализировавших разные аспекты поэзии и прозы Лермонтова (масштабы человека в творчестве Лермонтова, время и пространство в лирике Лермонтова, вариации на тему «Демона», лермонтовские мотивы в произведениях С. Есенина, лирический герой, словацкая рецепция произведения и т. д.).

В заключение хочется подчеркнуть тот факт, что Лермонтова не стало в возрасте 26 лет. Многое им было задумано... но он не успел. В наши дни современный молодой человек в таком возрасте только начинает жить по-настоящему, начинает осуществлять свои планы и мечты.

Творческий гений М. Ю. Лермонтова, кометой пронзивший последекабристскую ночь русской жизни, сияет уже 200 лет: пересекает границы государств, вписывается в картину современной культуры, литературы и общества не только в России, но и в мировых масштабах.

Использованная литература:

1. Гинзбург Л. И. Творческий путь Лермонтова. Л.: Художественная литература, 1940.
2. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1957.
3. М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян: тез. и матер. междунар. науч. конфер / отв. ред. Л. Н. Будагова. М., 2013.
4. Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964.
5. Gáfrik M. Poézia slovenskej moderny. Bratislava, 1966.
6. Gulia G. Ako žil a umrel Michail Lermontov. Obzor, 1977.
7. Lermontov M. Ju. Démon, Ľudia avášne, Kňažná Ligoľská a iné. Bratislava, 1984.
8. Lermontov M. Ju. Iba sen. Bratislava, 1980.
9. Lermontovovský zborník. Acta litteraria Rossica II. Banská Bystrica, 1985. S. 126–139.
10. Škultéty J. Lermontov u Sloľákov. Slovenské pohľady. 1914. Ć. 4. S. 254–255.

**PERCEPTION OF M. LERMONTOV'S WORKS IN SLOVAK CULTURE,
SLOVAK LITERARY STUDIES AND CRITIQUE**

DEKANOVA, Eva – Doc. PhDr., PhD., Department of Russistics, Faculty of Philosophy, University of Constantine the Philosopher, Nitra, Slovak Republic.

E-mail: edekanova@ukf.sk

MURANSKA, Natalia – Prof., PhD., Department of Russistics, Faculty of Philosophy, University of Constantine the Philosopher, Nitra, Slovak Republic.

E-mail: nmuranska@ukf.sk

The article focuses on the perception of the life and works of M. Lermontov in the Slovak literary and historical contexts, and in contemporary Slovak literary studies and literary critique along with the main translations of his works into the Slovak language. The article

presents abstracts of the research of Lermontov's works by Prof. A. Červeňak, a Slovak scholar who reviews the four poet's mysteries – life, love, soul and aesthetics. In Slovak literary critique, Lermontov is represented as an innovator of Russian prose.

Keywords: Lermontov, Slovakia, perception, translations, literary theory, Lermontov studies.

References:

1. Ginzburg, L. I. *Tvorcheskiy Put' Lermontova* (Lermontov's Creative Way). Leningrad, 1940.
2. *Lermontov, M. Yu. Sobranie Sochineniy v 6 Tomakh. (Selected Works in 6 Volumes)*. Moscow, 1954–1957.
3. *M. Yu. Lermontov v Kul'ture Zapadnykh i Yuzhnykh Slavyan*, (Mikhail Yu. Lermontov in the Culture of Western and Southern Slavs). Moscow, 2013.
4. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova* (The Creativity of Mikhail Yu. Lermontov). Moscow, 1964.
5. *Gáfrik, M. Poézia Slovenskej Moderny* (Poetry of Slovak Moderna). Bratislava, 1966.
6. *Gulia, G., Ako Žil a Umrel Michail Lermontov* (How Lived and Died Mikhail Lermontov). Obzor, 1977.
7. *Lermontov, M. Ju. Démon, Ľudia a Vášne, Kňažná Ligojská a Iné* (People and Passions, Princess Ligojskyand Others). Bratislava, 1984.
8. *Lermontov, M. Ju. Iba sen* (Just a Dream). Bratislava, 1980.
9. *Lermontovovský zborník* (Lermontov Miscellany). *Acta litteraria Rossica II*, Banská Bystrica, 1985, p. 126–139.
10. *Škultéty, J. Lermontov u Slovákov* (Lermontov among the Slovaks). *Slovenské pohľady*, 1914, no. 4, p. 254–255.